

Е.В. БАЛАЦКИЙ

Концепция текущей реальности

3. Баумана и ее приложения

В статье дается систематическое изложение концепции текущей реальности, основы которой были заложены З. Бауманом. Проведены аналогии между миром физики и социальными системами. Подробно рассмотрены механизмы эволюции современного общества и противоречия между основными тенденциями развития. Намечены пути преодоления возникших проблем.

Ключевые слова: элита, массы, скорость, возможности, доминирование, инверсия истории, энтропия, инерция.

In this paper is given the systematic consideration of conception of liquid reality by Zygmunt Bauman. The author examines the evolutionary mechanisms of modern society and the contradictions between main tendencies of development. Is showed the ways for overcoming the actual problems.

Keywords: elite, masses, speed, opportunities, predomination, inversion of history, entropy, energy.

Пожалуй, главная особенность современности – колоссальная скорость происходящих изменений. Осмысление данного обстоятельства находится в центре внимания экономистов и социологов всего мира. Этой проблеме посвящена и книга З. Баумана “Текущая современность”, вышедшая в свет в русском переводе в 2008 г. и уже давно хорошо знакомая российским специалистам. Эта работа принадлежит перу известного социолога и интерпретатора современности, и, судя по всему, она еще долго не устареет. Как это иногда случается, книга аккумулировала ключевые изменения, произошедшие в мировом сообществе за последние два десятилетия. Обсуждаемая книга во многих отношениях странная и необычная. Прежде всего – по жанру. Сам автор, будучи социологом, искренне полагал, что пишет социологический текст, тогда как, на мой взгляд, это не совсем так. Было бы правильнее оценивать данное произведение не как академический научный трактат, а как некое обширное философское эссе. Может быть, книгу Баумана следовало бы отнести к разряду социальной публицистики или к футурологической литературе.

Данная особенность авторского стиля имеет свои плюсы и минусы. К разряду плюсов относится легкость чтения, к разряду минусов – отсутствие законченной концепции. Фактически у Баумана нет никакой теории происходящего в мире, есть только некие аналогии и метафоры. Однако его яркие примеры и тонкие наблюдения настолько точно отражают специфику современного мира, что ими нельзя пренебречь и следует довести до некоей законченной концепции.

Сказанное не отрицает заслуг Баумана в создании нового взгляда на современный мир. Ему удалось сформировать своеобразную паутину тезисов и метафор, которые с

некоторой степенью условности могут быть названы *концепцией текучей реальности*. Ниже я попытаюсь дать ее систематическое изложение. Отмечу не совсем академическое представление Баумана о сущности социологии. Согласно его мнению, социология должна быть нацелена на раскрытие возможности жить вместе по-другому, с меньшим страданием (с. 321). Данная интенция задает вектор дальнейшего изложения материала, которого я и буду придерживаться в дальнейшем.

Скорость движения и мышления как главные эволюционные признаки

Анализ современного мира начинается с главного изменения, произошедшего за последние несколько десятилетий, – невероятного увеличения скорости.

Как известно, знаменитая формула А. Эйнштейна $E = mc^2$ дает возможность представить Вселенную некой скоростной конструкцией (если так можно выразиться¹), а концепция Баумана позволяет проделать то же самое с миром социально-экономических процессов. Это произошло из-за бурного роста экономики знаний, вызванного в значительной мере тем, что эти самые знания посредством современных средств связи стали передаваться практически мгновенно. Под эту скорость начали подстраиваться и остальные ресурсы, и хотя они не могут достичь ее, динамичность всех процессов возросла неизмеримо.

Отталкиваясь от факта возросшей скорости, Бауман приходит к вполне естественному выводу: *в современном мире пространство постепенно утрачивает свою ценность, в то время как ценность времени возрастает*. Пространство перестало быть сдерживающим фактором жизни, тогда как время обрело большую значимость, чем ранее. Человек в течение нескольких часов может преодолеть полмира и оказаться на другом конце Земли. Сама же возможность таких перемещений детерминирована экономическими возможностями индивида.

Надо сказать, что само рассмотрение скорости в качестве основы понимания современного мира имеет глубинное экономическое звучание. Время, наряду с деньгами, энергией и знаниями, – одно из витальных ресурсов человека [Балацкий, 2008]. В этой связи скорость перемещения в пространстве, скорость преобразования ресурсов и даже скорость мышления представляют собой всего лишь разные способы измерения эффективности времени человека: чем больше работа в единицу времени, тем выше экономическая эффективность времени.

Скорость как способ социального доминирования

Фактор скорости в силу своей исключительной важности превратился в современном мире в главный фактор социальной стратификации и социального доминирования (с. 163). Именно скорость мышления и действий человека выступает в качестве главного показателя его экономической эффективности, а следовательно, и его *возможностей*. Именно скорость образует водораздел между социальной *элитой* и *массами*.

Отличительный признак современной элиты – чрезвычайно высокая подвижность в пространстве, тогда как малоимущие слои характеризуются низкой динамичностью. Представители элиты уже практически *не локализованы* в пространстве: сегодня они здесь, завтра – там. Более того, элиту отличают быстрые действия и быстрое мышление, позволяющие принимать эффективные решения.

¹ У этой аналитической конструкции множество простых физических интерпретаций, но, на мой взгляд, самая точная, оригинальная и содержащая в себе элемент социального звучания – трактовка П. Йогананды: Вселенная представляет собой массу света [Йогананда, 2004, с. 298]. Эту формулу можно переписать еще более конкретно: мир – это масса движущегося света.

Элита генерирует новые идеи и решения, создает новые рынки. Именно элита меняет облик мира, тогда как массы лишь принимают или не принимают этот новый мир; им отведена роль пассивных потребителей новшеств. Здесь сразу следует отметить тот факт, что в России элита в современном смысле слова отсутствует, ибо преуспевающие бизнесмены и чиновники, как правило, ничего нового не создают. Это резко контрастирует с вкладом, например, Б. Гейтса и С. Джобса, которые создали новую виртуальную реальность и обогатили мир новыми техническими возможностями. Тем не менее даже российские богатые люди стремятся всячески повысить свою подвижность, приобретая в разных точках мира недвижимость и частные самолеты, получая мультимедийные режимы путешествий и двойного гражданства, открывая счета в разных банках и используя пластиковые карты, и т.п.

Любопытно, что разделение социума на элиту и массы происходит как в рамках одной страны, так и в рамках всей мировой экономики. Если на уровне страны можно наблюдать два очень различающихся класса, то мир в целом дифференцирован на передовые страны, где большая часть населения мобильна, и второстепенные, где подавляющая часть людей характеризуется высокой привязкой к территории собственного государства. Примером первых могут служить США, Канада и Великобритания, жители которых имеют возможность выезжать без визы примерно в сто государств мира, примером вторых – Россия, которая до сих пор в значительной степени зависит от визовой политики других стран.

Данное деление коррелирует с уровнем богатства людей и стран, свидетельствуя лишний раз о правильности концепции текучей реальности. При этом разница в мобильности жителей двух блоков стран проявляется достаточно очевидно. На одном полюсе культуры находятся сверхпунктуальные страны, например Япония, где пешеходы шагают быстро, сделки заключаются без промедлений, а банковские часы всегда точны [Харрисон, 2008, с. 57]. И наоборот, в странах “третьего мира” наблюдается тотальная заторможенность жителей. Исследования, проведенные Р. Левином, показали, что самый высокий темп жизни наблюдается в Швейцарии, а замыкает список обследуемых стран Мексика; среди американских городов самые “быстрые” – Бостон и Нью-Йорк (см. [Зимбардо, Бойд, 2010, с. 26]).

Одновременно с этим в двух группах стран имеются серьезные различия в системе ценностей их граждан. В развитых странах люди легко покидают свое место жительства, если переезд в другой город или страну сулит им новые возможности. В странах “третьего мира” люди, наоборот, стараются обзавестись не только городской квартирой, но еще и загородной дачей, что окончательно привязывает их к территории происхождения. Любопытно, что в развитых странах даже понятие дачи несколько изменилось. Например, для многих немцев остров Мальорка уже давно выступает в качестве своеобразной “дачи”. Соответственно, в странах мировой элиты властвуют космополитические воззрения, а консервативные народы часто живут по принципу дореволюционной России: “где родился – там и сойдился”.

Опираясь на представление о том, что более высокая скорость порождает более широкие возможности, Бауман высказывает поразительное утверждение. Согласно его представлениям, само объединение людей в какие-либо социальные группы и классы происходит из-за недостатка у них возможностей (с. 40). Именно это и заставляет их сбиваться в массивные образования, которые огромным индивидуальным возможностям элиты противопоставляют свою “человеческую массу”. Отсюда можно сделать и более общий вывод: *возможности разделяют людей, тогда как отсутствие возможностей – объединяет их*. Как ни удивительно, но данному тезису можно найти весьма красивую, хотя очень и отдаленную аналогию с теорией относительности. Если m (массе) сопоставить численность социальной группы, а v (скорости) – среднюю скорость движения ее представителей, то формула $E^* = mv^2$ дает представление о том, что E^* (совокупная энергия группы) зависит от ее численности (m) и средней скорости движения ее представителей (v). При этом влияние скорости гораздо сильнее

массы. Например, если реактивность представителей элиты, условно говоря, в 3 раза выше, чем представителей масс, то для соблюдения баланса сил в социальной системе численность последних должна быть примерно в 9–10 раз больше первых.

Различия в скорости и мобильности между людьми в современном мире могут быть поистине огромными. Этим можно объяснить происходящую в мире колоссальную дифференциацию населения по уровню богатства и власти. Богатство позволяет человеку часто летать на отдых в теплые страны, осуществлять мгновенные электронные платежи, оплачивать доставку товаров, питаться в заранее заказанных ресторанах и т.п. В это же самое время человек даже среднего достатка ограничится поездками на загородную дачу, тратя полдня на дорогу в одну сторону, он проводит значительное время в банках и магазинах, простаивает в дорожных пробках, на кухне, и т.д. Разрыв в скорости жизни может достигать нескольких порядков, что само по себе дает колоссальную фору элите в функциональности, окончательно закрепляя ее привилегированное положение. Причем, даже незначительной численности правящего класса может быть вполне достаточно, чтобы удерживать власть в своих руках. При этом средний класс будет вымываться, а его роль и значение умаляться, что мы и наблюдаем в последние десятилетия.

Текучесть и проницаемость мира: девальвация пространства

Мир, в котором скорость имеет решающее значение, должен быть особенным, а именно: обладать свойствами *текучести* и *проницаемости*. Эти свойства во многом самоочевидны. Высокая мобильность людей делает мир текучим и быстро изменяющимся, а условие реализации высокой мобильности – открытость и проницаемость мира.

Осмысливая указанные свойства, Бауман пользуется изящными метафорами. Например, он говорит о *разжижении* мира, обращая внимание на то, что жидкости легко придать любую форму, но сложно эту форму сохранить. Так же и современный мир – он постоянно меняется, а потому его сложно понять и им трудно управлять.

Если все стало открытым, проницаемым, динамичным, то текучесть и проницаемость мира воплощают в себе главную *ценность* современности – свободу. А коли это так, то все, что сдерживает свободу и ограничивает подвижность, нуждается в разрушении и уничтожении. Данная интенция накладывается на главную экономическую закономерность концепции текучей реальности: *в современном мире происходит девальвация пространства и ревальвация времени*. Кто лучше овладевает временем и кто не привязывается к территории, тот и владеет современным миром.

На стыке указанных двух линий развития Бауман подмечает специфику современных войн. Речь идет фактически о *новой доктрине ведения военных действий*. Классическим примером новой военной стратегии могут служить военные операции, осуществленные США в Ираке, Афганистане и Югославии. Во всех этих случаях американское руководство не ставило перед собой задачу завоевания территории названных государств. По мнению Баумана, эти территории сами по себе никому не нужны. Более того, пространство создает проблемы. Например, американский военный контингент “застрял” в Ираке: по политическим соображениям уйти оттуда нельзя, а оставаясь там, США несут человеческие потери. Фактически Соединенные Штаты “увязли” в пространстве, что лишний раз подтверждает тезис о необходимости пересмотра роли территориального фактора.

Из сказанного вытекает логичный вопрос: если США не хотели “захватывать” чужие территории, то зачем они вообще вели военные действия? Что нужно было американскому истеблишменту? Бауман дает довольно изящный ответ на этот вопрос: США, будучи оплотом свободы, текучести и проницаемости, хотят распространить эту самую свободу, текучесть и проницаемость на весь остальной мир. Их задача состоит в *устранении барьеров*, мешающих текучести и проницаемости отдельных

стран. В противном случае в мире будут возникать острова “твердости”, “закрытости” и “непонятности”, о которые будет “спотыкаться” правящая элита, не терпящая никаких территориальных ограничений. Подобные политические анклавов идут вразрез современному тренду по преодолению государственных границ. Неудивительно, что страна-лидер сметает эти островки “непроницаемости”.

В контексте сказанного становится более понятным и отношение США к России в последние два десятилетия. Соединенные Штаты никогда не ставили перед собой цель физического завоевания России, но всегда боролись за ее “открытие” для мировых экономических потоков: товаров, услуг, капитала, информации, институтов, рабочей силы. Иными словами, в фокусе внимания американской политики была не территория России, а ее “граница” и порожаемые ею барьеры входа-выхода.

Говоря о мирных последствиях произошедшей девальвации пространства, следует рассмотреть *территориальную инверсию*, которая состоит в изменении характера конкуренции на мировой арене. Так, *если раньше шла конкуренция людей за территорию, то сегодня уже территории конкурируют за людей*. Если раньше усилия по перемещению в пространстве осуществляли сами люди, то сегодня целые страны проводят определенную политику по привлечению благонадежных индивидов. Это относится прежде всего к развитым странам, привлекающим квалифицированные кадры из-за рубежа, однако в последнее время этим занимаются и развивающиеся страны. Так, латиноамериканское государство Коста-Рика и африканское государство Намибия серьезно улучшили “качество” своего населения за счет состоятельных мигрантов из других стран. Вместе с тем параллельно новой тенденцией развиваются и старые тренды. Например, Россия, не попадая сегодня в разряд стран-лидеров, по-прежнему культивирует старую политику высокой ценности пространства и низкой ценности людей, непосредственным результатом чего стали оголенные, экономически неразвитые территории, отъезд наиболее квалифицированных и культурных людей за рубеж, иммиграция рабочей силы низкого качества.

Текущность и проницаемость мира: ослабление социальных связей

Высокая динамичность современного мира обеспечивается как внешними обстоятельствами (проницаемостью мира), так и внутренними (текущностью кадров). Мобильность самих субъектов в современном мире требует от них максимальной свободы. В этой связи сразу возникает вопрос: свободы от чего?

Здесь можно выделить два аспекта проблемы: ослабление зависимости от “тяжелых” материальных *вещей* и ослабление зависимости от “тяжелых” социальных *обязательств*. Выше уже говорилось о неконструктивной привязке к территории. Однако этот тезис распространяется дальше – на все “грубые” материальные артефакты. Чем меньше индивидуум привязан к материальным благам, тем легче ему перемещаться в пространстве, тем он быстрее, эффективнее и тем больше его власть над себе подобными. Налицо кажущийся парадокс: *чем меньше “грубой” собственности у человека, тем он более могуществен.*

Подтверждением этого тезиса служат многочисленные яркие примеры из жизни современной деловой элиты, слабо привязанной к “тяжелым” благам. Типичный пример – Гейтс, который, как справедливо утверждает Бауман, на протяжении жизни не накапливал ничего, кроме расширяющегося диапазона доступных возможностей (с. 135), и не чувствует никакого сожаления, расставаясь с имуществом, которым он гордился еще вчера (с. 20). Такая свобода делает его абсолютно непредсказуемым. В этом ключе лежат решения самых богатых людей США Б. Гейтса и У. Баффета о передаче своих многомиллиардных состояний на благотворительные цели [Особенности... 2009]. Таким образом, самые высокопоставленные и могущественные люди наших дней избегают какой-либо долговечности и каких-либо материальных привязанностей, тогда как социальные низы всячески стараются продлить существование своего ничтожного имущества.

Здесь имеет смысл напомнить генезис мирового финансового кризиса 2008 г. Так, при отсутствии принципиально новых благ и инноваций бизнес-круги США в

современной текучей экономике знаний предложили своим гражданам дешевую ипотеку с ее традиционным благом – жильем. Однако взяли ее только те, кто за нее не могли платить, а те, кто могли, – в массовом порядке ее отвергли [Рубченко, 2010]. Тем самым именно низшие слои масс “позарились” на грубый материальный актив, тогда как элита его попросту проигнорировала. На мой взгляд, здесь проявилась дихотомия передового американского социума в отношении “отягощающих” ценностей.

Однако независимость человека от вещей в современном мире сопровождается и его освобождением от социальных обязательств. Это, используя термин М. Грановеттера, ведет к формированию общества со “слабыми связями” между субъектами (с. 161). Причем эта слабость распространяется по двум направлениям: в пространстве (в глубину) и во времени (длительности связей). Пространственный аспект предполагает, что отношения между людьми становятся максимально *поверхностными*, неглубокими. Например, каждый член семьи живет своими собственными интересами, которые никак не коррелируют с интересами других членов семьи. Никто не вникает в проблемы своих друзей и близких, не выражает желания оказать им помощь. Людей не интересует мотивация своих сотрудников и работодателей. Даже между самыми близкими людьми отношения переводятся в русло экономических, обменных. Моральный долг воспринимается в качестве пережитка прошлого. Вместо полноценной семьи люди предпочитают временное сожительство; уходит из бытовой практики человеческое общение и искусство диалога. Иными словами, в обществе формируется тотальная тенденция к социальному аутизму.

Временной аспект предполагает, что длительность отношений между людьми становится максимально *короткой*, неустойчивой. Например, супруги при возникновении проблем быстро разводятся, а сам брак человека может заключаться многократно. Друзья забывают друг друга при малейшем изменении своего социального положения. Родственники общаются лишь в редких случаях – на похоронах и крестинах. Помощь ближнему ограничивается звонком в соответствующую службу, и т.п. Фактически в обществе устанавливается *тенденция к быстрому самораспаду социальных связей*². Рассмотренные эффекты сильно деформируют всю систему ценностей человека. Даже наличие семьи и детей воспринимается как обуза, понижающая подвижность и функциональность субъекта. И уж, конечно, теряет свою привлекательность альтруизм. Возросшая скорость просто не позволяет проявлять подобное качество. Левином было установлено, что люди в американских городах с максимально высокой скоростью жизни оказываются наименее готовыми помочь ближнему. Например, Рочестер, скорость жизни которого сравнительно низка, оказался самым “помогающим” городом Америки. Нью-Йорк, занявший третье место в списке самых быстрых городов, продемонстрировал максимально низкую готовность помочь ближнему. А города Калифорнии при относительно низкой скорости жизни оказались менее “помогающими”, чем быстрые города. Данный факт говорит о том, что невысокий темп жизни – необходимое, но еще не достаточное условие альтруизма; калифорнийцы, например, склонны помогать только самим себе жить получше, демонстрируя тем самым некую разновидность социального аутизма [Зимбардо, Бойд, 2010, с. 27]. Итак, возрастание скорости в нынешнем мире предполагает большую свободу, а свобода – поверхностные и кратковременные социальные связи.

² Правда, нельзя не отметить, что, например, Р. Инглхарт иначе трактует данную тенденцию. С его точки зрения, с течением времени социальные связи не ослабевают, а видоизменяются. На смену “скрепляющим” связям, свойственным индустриальному этапу социально-экономического развития, более низкому уровню жизни и соответствующему этому состоянию общества господству ценностей выживания, приходят более мобильные связи, “наводящие мосты” между представителями разных групп. Эти связи присущи более высокому уровню социально-экономического развития с господством ценностей самовыражения [Инглхарт, Вельцель, 2011].

Броуновское движение в мире слабых связей

Современное общество “слабых связей” характеризуется многочисленными, легкими и короткими контактами между людьми, что очень напоминает броуновское движение с его хаотичным столкновением и соприкосновением молекул. Этот факт не может не настораживать. Дело в том, что социальная система – это совокупность элементов и связей между ними. И чем устойчивее и крепче эти связи, тем прочнее и сама система. В настоящее время наблюдается преобразование связей в контакты (взаимодействия). Причем если связи – это системное явление и свойство, то простые контакты и взаимодействия, как правило, имеют случайную природу. Ослабление связей в какой-то момент неизбежно *перерождается* в простые случайные контакты. Трудно определить в общем случае момент этого перехода, но в массовом проявлении это приводит к разрушению системы как таковой. Так же как связь, например, между супругами качественно отличается от случайного столкновения пассажиров в общественном транспорте, так же и социальная система отличается от сообщества почти автономных индивидов.

Типичное следствие формирования общества слабых связей и обретения личностью колоссальной свободы – коррозия и распад института гражданства (с. 44). Действительно, интересы индивидуума уже не могут ассоциироваться с каким-то конкретным обществом и с какой-то конкретной территорией. Если индивидууму надо покинуть это общество и эту страну, чтобы улучшить свое самочувствие, он может и даже должен сделать это. Данный выбор детерминируется главенством индивидуальности над общественными интересами и любыми национальными задачами. Тем самым гипертрофированный индивидуализм автоматически приводит к космополитизму. Ослабление связей к тому же накладывается на дополнительные свойства современного мира. Бауман совершенно справедливо выделяет два важных эффекта. Первый он называет, используя очередную метафору, “расплавленностью” условий человеческой жизни (с. 57), второй можно по аналогии назвать “расплавленностью” целей.

Действительно, цели размываются, меняются, как в калейдоскопе, а потому они уже не могут служить *основой рационального поведения* современного человека. Это приводит к “незнанию целей вместо незнания средств” в новом “легком” капитализме (с. 68). Одновременно с этим размытые условия жизни, по образному выражению Баумана, ведут к образованию некоего символического “контейнера возможностей”, причем как еще не обнаруженных, так и уже упущенных (с. 69). И этих возможностей сегодня столько, что их нельзя исследовать за любую отдельную жизнь, какой бы долгой и насыщенной она ни была. Эти возможности, переплетаясь со свободой современной личности, приводят к колоссальной инверсии жизненных стратегий. Начинает действовать абсурдный принцип: “Мы нашли решение. Давайте теперь найдем проблему” (с. 69). Накладываясь на “расплавленные” условия жизни, размытые цели создают хаотическое кружево мыслей и действий людей, где отсутствует какой-либо явственный стержень.

Принимая подобное описание, имеет смысл воспользоваться аналогиями из мира физики. Если в системах происходит ослабление связей, нарастает энтропия, то они, в соответствии со вторым началом термодинамики, движутся к “тепловой смерти”, то есть к полному выравниванию энергии и сложности. Аналогично и современная социальная система буквально переполняется энтропией, уходя от состояния равновесия. Из исследований И. Пригожина известно, что эволюционируют только системы, находящиеся в состоянии, далеком от равновесия, но и слишком сильное отклонение от равновесия может полностью разрушить систему. Таким образом, современный мир как бы оказывается в точке бифуркации, когда решается вопрос, куда дальше пойдет общество – к деградации и разрушению или к качественной трансформации. Следовательно, современный социум подошел к некоему важному эволюционному

рубежу. Основная проблема современного мира состоит в том, что пока не определен *вектор* эволюции личности и общества. Данный факт порождает колоссальную неуверенность в будущем, если не сказать, страх перед ним.

Цивилизационный зигзаг или инверсия истории

Оказавшись перед неопределенным будущим, вполне логично бросить взгляд на историю, которая, как многие полагают, иногда может подсказать возможную траекторию предстоящей эволюции общества. Идя по этому пути и переосмысливая историю, Бауман делает одно чрезвычайно интересное наблюдение. Речь идет о “цивилизационном зигзаге”, под которым понимается следующее. Развиваясь как сосуществование кочевых и оседлых народов, нынешняя цивилизация была создана преимущественно оседлыми этносами. Это связано с тем, что любое материальное творчество предполагает стабильность и устойчивость. Перемещаясь со стадами по степи и пустыне, трудно создать какие-либо значимые артефакты. Ремесла, искусства, науки и города требовали оседлости. И неудивительно, что именно оседлым народам традиционно отводилась роль “цивилизаторов”.

Типичным примером могут служить кочевые арабские племена, которые в своих походах совершенствовали преимущественно свой язык; архитектура, наука и искусство в полевых условиях не развивались. Позднее, когда возникли арабские государства с присущими для них элементами оседлости, стала возникать и более богатая арабская культура.

Однако сегодня ситуация полностью переворачивается: новоявленные народы-кочевники становятся авангардом социального и технологического прогресса. Более того, экстерриториальная подвижность становится символом прогресса, а избыточная оседлость – признаком деградации (с. 19). Роль “цивилизаторов” переходит от малоподвижных народов к высококомобильным этносам. В глобальной конкуренции побеждают самые быстрые. Сам прогресс немыслим без струящихся потоков информации, капитала и товаров. Кто встраивается в эти потоки, тот и движется в ногу со временем. Таким образом, возник своеобразный цивилизационный зигзаг, когда произошла смена доминантных этносов с “оседлых” на “кочевые”. Данное явление можно рассматривать как некий парадокс истории, ибо подобные рокировки лидеров наблюдаются чрезвычайно редко. Описанный цивилизационный зигзаг получает дополнительную изысканную интерпретацию у самого Баумана: “история – это процесс забывания в той же мере, что и процесс научения” (с. 139). Похоже, что сегодня человечество должно “забыть” те ценности, которые имели большое значение на протяжении нескольких последних тысячелетий: стабильность, избыток времени, неспешность и неторопливость, привязка к конкретной точке физического пространства и т.п. На смену им приходят их антиподы.

С психологической точки зрения цивилизационный зигзаг – серьезный вызов человечеству. Это связано с одним важным противоречием. Именно *промедление* выступало всегда в качестве основы прогресса. Именно спокойствие и обстоятельность позволяли людям совершенствоваться самим и совершенствовать свои артефакты (с. 170). Более того, иногда сам разум трактуется как отложенное действие, отложенная реакция. Скорость не способствует мышлению, во всяком случае, мышлению о будущем, долгосрочному мышлению. Мысль требует паузы и отдыха, чтобы “дать себе достаточно времени” для подведения итогов (с. 225). Нынешняя же культура ведет войну с промедлением (с. 172). Такого в обозримой истории еще не было. Чем же это грозит?

Наличие цивилизационного зигзага вскрывает возможное существование неких глубинных и поистине гигантских исторических циклов, лежащих в основе развития общества и цивилизации. Так, сдвиг в сторону усиления роли “быстрых” народов фиксирует некую цивилизационную волну и позволяет предположить, что у нее будет продолжение в виде обратной тенденции. Тем самым можно говорить о наличии ролевого цикла, когда значение оседлых народов сначала долго убывает, а потом снова возрастает. Сейчас мы видим первую половину этого цикла и не исключено, что в

дальнейшем увидим его вторую половину. Уже сегодня просматривается альтернатива физическому передвижению в виде спокойного пребывания на одном месте и коммуникации с контрагентами всего мира при помощи современных средств связи. И хотя представление о такой полномасштабной возвратной волне и наличии “скоростного цикла” истории – всего лишь гипотеза, наличие “полуцикла” может считаться неопровержимым фактом.

Любопытно, что интуитивные прозрения о необходимости цикла “перемещение–оседлость” просматриваются уже в библейские времена. Так, еврейская история начинается с повеления Аврааму оставить страну, где он родился, и идти в неведомые земли. Первый виток указанного цикла еврейский народ осуществил, когда покинул Палестину, направившись в Египет, и снова вернулся в палестинские земли. Впоследствии ситуация повторилась после разрушения Иерусалима, когда евреи мигрировали по всему миру и вернулись на исконные земли лишь в XX в., воссоздав свое государство. Таким образом, рассмотренная цивилизационная волна просматривается на примере отдельных народов. Это дает основание предполагать, что у нее могут быть и более масштабные воплощения.

Эволюция человека и общества под давлением скорости

Итак, концепция текучей реальности утверждает, что главным конкурентным преимуществом в современном мире является скорость, или *реактивность*. Отсюда в качестве частного случая вытекает феномен “ошибки Траута”³.

По мнению Дж. Траута, компании, добившиеся успеха в середине XX в., действовали в тепличных условиях. В то время они имели право на ошибки – и они эти ошибки относительно легко исправляли. Сегодня такого права нет ни у кого. Конкуренция стала глобальной, вас хотят “уничтожить” не только “свои” конкуренты, но и пришельцы из других стран, которые, как правило, обладают всеми необходимыми для этого атрибутами. Поэтому никто не гарантирован от провала. Сам же этот провал становится следствием перебоев в скорости функционирования. Малейший неудачный перепад в реактивности экономического агента ведет к потере его позиций на рынке, причем любой просчет в подобных обстоятельствах оборачивается полным и безоговорочным фиаско; отыграть утраченные позиции практически невозможно; за любую оплошность рынок карает жесточайшим образом [Траут, 2009, с. 12–13].

Без учета “ошибки Траута” концепция текучей реальности была бы не полной. Дело в том, что современный мир – это мир колоссального неравенства. Но “ошибка Траута” приводит к нестабильности элиты и тем самым нарушает генеральную тенденцию к расслоению общества. Даже крупные компании-бренды сегодня быстро оказываются в числе банкротов. Их место занимают другие. Данное обстоятельство не только смягчает исходное неравенство, но и приводит к постоянной *обновляемости* самой элиты. Такой мир все больше напоминает “вавилонскую лотерею” Х. Борхеса, где каждый имеет шанс на успех [Борхес, 2004, с. 244]. В каком-то смысле “ошибка Траута” играет роль стабилизирующей обратной связи в системе, увеличивая эволюционный потенциал общества.

Распространяя эффект “ошибки Траута” на мировую экономику, можно следующим образом переосмыслить нынешнее положение России на мировом рынке. После распада СССР Россия утратила многие свои позиции: оборонную промышленность, космос, науку, образование и т.п. Место России довольно быстро заняли другие страны. Типичный пример: в Тунисе высшее образование, полученное в Советском Союзе, котируется очень высоко. Теперь же граждане Туниса, получившие образование в России, сталкиваются с тем, что их дипломы на родине не признаются, зато с дипломами из стран Британского Содружества подобных проблем не возникает. Итог прост – рынок образования, принадлежавший СССР, перешел к университетам западных стран. Более того, по многим признакам видно, что в обозримом будущем

³ Эффект “ошибки Траута” можно назвать “эффектом фатальной ошибки” (см. [Балацкий, 2009⁶]).

российское образование уже не сможет вернуть утраченные позиции. Главное же состоит в том, что проигрыш Советского Союза состоялся по причине утраты им своей реактивности. Производительность труда в СССР почти во всех отраслях экономики была многократно ниже, чем в США. Значит, американцы работали в разы быстрее, чем россияне. Этот факт и предопределил рокировку сил на мировой политической арене с последующим полномасштабным переформатированием состава стран-лидеров и стран-аутсайдеров [Балацкий, 2009⁴].

С эволюционной точки зрения соединение концепции текучей реальности с “ошибкой Траута” генерирует вызов для всех экономических агентов в виде необходимости усиления ответственности. Причем эта необходимость носит абсолютно прагматичный и даже эгоистичный характер, ибо ответственность за свои действия диктуется стремлением к успеху и боязнью фатальной неудачи.

В социальных системах скоростная характеристика имеет два измерения – внутреннее (скорость мышления) и внешнее (скорость действий). Связь между этими двумя характеристиками, как правило, неоднозначная. В идеале быстрое мышление приводит к быстрым действиям, однако на практике это далеко не всегда так и часто наблюдается прямо противоположная зависимость. Усложнение личности за счет переработки больших объемов сложной информации само по себе требует колоссальной внутренней энергии. Более того, состоявшееся усложнение также требует большой энергии для поддержания этой сложности; в противном случае вся эта конструкция может легко рассыпаться. Рост ментальных способностей ведет к падению внешней активности. Этим, в частности, можно объяснить, почему интеллектуалы не стремятся активно проявлять себя во внешней среде. Таким образом, в современном мире избытка информации возникает *противоречие между внутренней и внешней скоростью*.

Указанный эффект усиливается еще одним обстоятельством – сопряжением высокого уровня интеллекта и слабой воли. Высокоразвитый интеллект ведет к множественности интересов и обостряет способность предвидеть последствия любого действия⁴. Тем самым высокая сложность личности требует повышенных затрат энергии на осмысление и выбор альтернатив. Здесь – еще одно объяснение традиционной пассивности интеллигенции. Можно сказать, что активные и прямолинейные волевые действия – это удел примитивных людей.

Сказанное обнажает еще одну опасность, которую несет рост скорости в информационном сообществе: в состав социальной элиты входят люди не с высокой внутренней скоростью, а с высокой внешней скоростью. И здесь Бауман приводит классический пример новой “элиты” – деловые люди, часами разговаривающие с важным видом по мобильному телефону в аэропорту. Иначе говоря, опасность – в появлении *псевдоэлиты*, разрушительное влияние которой совершенно очевидно, но абсолютно непредсказуемо. Формирование псевдоэлиты – очередной серьезный вызов со стороны современного мира. Решение же этой проблемы лежит в плоскости эволюции самого человека, и в частности в восстановлении положительной связи между внутренней и внешней скоростью. Данное развитие событий возможно только при развитии у людей новых ментальных способностей.

В то же самое время общество ослабленных связей таит в себе и совершенно новые возможности. Сейчас все это довольно трудно строго обосновать, но уже известны некоторые факты, дающие пищу для размышлений. Например, Р. Флорида, говоря о деятельности особых креативных центров США, где концентрируются высокотехнологичные производства, отмечает, что в числе их особых достоинств были уровень разнообразия выше среднего, а также низкий уровень социального капитала и политической активности. По мнению Флориды, именно такие ослабленные социальные связи выступают в качестве ключевого механизма для мобилизации ресурсов, идей и информации, необходимых для эффективного поиска работы, принятия решений, запуска новых видов продукции и организации предприятий [Флорида, 2005]. Таким

⁴ Соответственно, воля, по выражению Дж. Фаулза, как бы теряется в лабиринте гипотез [Фаулз, 2008, с. 105].

образом, ослабление социальных связей лежит в основе возникновения многих высокотехнологических компаний, определяющих вектор развития современного общества на протяжении последних 20–30 лет.

Эволюция как постоянное бегство

Начатый разговор об эволюции требует продолжения. И здесь надо внести ясность по следующим вопросам. Во-первых, как можно жить в условиях постоянной гонки и бегства? Можно ли считать такой стиль жизни нормальным и эволюционно более высоким? Во-вторых, следует ли причислять всех динамичных людей к представителям элиты? И какие качества вообще характерны для социальной элиты?

Попытаюсь наметить ответы на эти вопросы. Прежде всего по поводу гонки. В данном случае речь идет о том, что эволюция всегда сопровождается усложнением личности и ростом эффективности ее действий. Скорость – частный случай эффективности, а потому без ее взвинчивания эволюционные сдвиги, как правило, не происходят. По крайней мере, можно смело утверждать, что низкая динамичность субъекта отрицает возможность его эволюции и вхождение в социальную элиту.

Высказанный тезис показывает, что перед современным человеком встает вызов, который надо принимать. Однако здесь следует оговориться, что проблема повышения динамичности встает не перед всем человечеством, а только перед теми индивидами, которые желают войти в разряд элиты; люди, стремящиеся жить спокойной жизнью, могут проигнорировать вызов современного мира и остаться в рядах масс. Тем самым свобода выбора человека никак не нарушается текущей реальностью и не вызывает никакой общественной драмы. Можно это резюмировать и иным образом: эволюция является проблемой элиты, а не широких масс.

Соотношение масс и элиты – главный вопрос эволюции. Фактически действия элиты – всегда своеобразное бегство от масс. Отсутствие разумной сегрегации и перемешивание элиты с массами затрудняет их взаимную идентификацию и тем самым снижает эволюционный потенциал элиты. Именно этим обстоятельством было вызвано введение кастовой системы в Древней Индии.

Однако постоянное бегство элиты детерминировано динамичностью современного мира. Это означает, что все изменения в нем происходят столь быстро, что никакая проблема не может быть решена раз и навсегда – ее надо периодически решать заново. Например, нельзя купить хороший дом в хорошем месте, потому что через 10–15 лет это место изменится до неузнаваемости, и его надо будет менять. Нельзя найти хорошую работу, потому что через один-два года все может измениться, и надо будет искать новую работу, и т.д. Иными словами, в текущей реальности жизненный цикл всех традиционных ценностей сокращается. Причем во всех этих случаях просматривается диалектика взаимодействия элиты и масс: *элита задает вектор (направление) развития (движения), а массы ее преследуют*. Как только расстояние между элитой и массами сокращается до некоторого минимума, элита, чтобы сохранить свое привилегированное положение, должна снова взвинтить эффективность и оторваться от масс. Тем самым она снова оказывается перед необходимостью найти (или переопределить) новый вектор развития, устремиться туда и за счет этого увеличить разрыв с массами. Таким образом, *массы выступают в качестве своеобразного стимулятора элиты*.

Из сказанного ясно, каким основным качеством должна обладать элита – способностью определять новые направления развития общества. Как правило, на практике это происходит путем генерирования новых технологий, которые и меняют окружающий мир и социум [Талеб, 2009]. Флорида называет таких людей “креативным классом” [Флорида, 2005]. Именно эти личности обеспечивают технологический и социальный прогресс. И здесь сразу вносится ясность в понимание того, кто не является представителем элиты. Суетливую беготню по мифическим делам следует воспринимать как неудачную попытку человека войти в разряд элиты. Если же такие люди становятся богатыми, не дав миру никаких новых идей и технологий, то это свидетельствует лишь о том, что мы имеем дело с проблемой отрицательной селекции, от которой не

гарантированы никакие эволюционные траектории. В идеальном случае “креативный класс” приобретает богатство, адекватное его вкладу в развитие общества.

Надо сказать, что понимание эволюционного соотношения между свободой (реактивностью) и косностью (консерватизмом) сложилось давно. Например, Э. Фромм еще в 1950-е гг. утверждал, что любой возврат от свободы к искусственной укорененности в государстве или расе есть признак психического заболевания, так как он не соответствует достигнутому уровню эволюции и ведет к патологическим явлениям [Фромм, 2005, с. 86]. Тем самым рост текучести социального мира – неизбежное следствие его прогрессивной эволюции.

Преграды на пути текущей реальности

Было бы неверно недооценивать тот разрушительный потенциал, который несет в себе современный динамичный текущий мир. Однако столь же неправомерно было бы видеть в “скоростном прогрессе” только один негатив. Дело в том, что преодоление “скоростного барьера” – условие эволюции человека, формирования во всех отношениях новой элиты и совершенствования на этой основе всего общества. В данном случае мы сталкиваемся с таким свойством развивающихся систем, как возникновение на каждой новой стадии эволюции социума новых, специфических механизмов отбора его лучших представителей. Что для этого нужно? Возможно ли это? Есть ли какие-то встроенные механизмы в человеке, включение которых позволит выйти на новый уровень? Все эти вопросы уже переходят в область футурологии, тесно связанную с социологией. Однако сегодня уже вскрыто несколько свойств человека, позволяющих надеяться на позитивную эволюцию всего человечества.

Первое из них касается природы *благих поступков*, которые, как говорит Фаулз, по определению бескорыстны, ибо не связаны с достижением каких-то внутренних интересов личности. Это значит, что благие поступки не являются плодом рационального решения. А коль скоро это так, то сам по себе любой благой поступок есть противодействие инерционному ходу развития, возможное только посредством высвобождения избыточной, излишней с биологической точки зрения, энергии [Фаулз, 2008, с. 120]. Следовательно, деятельность истинных интеллектуалов чаще всего выражается в благих поступках. Неудивительно, что такие деяния менее заметны, чем эгоистичные действия примитивных индивидуумов. Повышенная энергетика интеллектуалов проявляется просто-напросто в иной форме, нежели энергия менее развитых эгоистов.

При этом, по мнению Фаулза, благие поступки осуществляются потому, что они ведут к так называемому *функциональному наслаждению*, наподобие актов еды и дыхания [Фаулз, 2008, с. 119]. Но такое возможно только тогда, когда личность усложняется столь сильно, что в ее архитектонике формируются новые естественные потребности в совершении благих поступков. Соответствующий механизм включается именно тогда, когда отсутствие хороших дел приводит к дискомфорту и разрушению личности, а в конце концов – и к гибели общества. Тем самым усложнение личности приводит к тому, что избыточная энергия высвобождается в форме благих поступков.

Таким образом, в человеке имеются механизмы, противостоящие инерции в форме проявления простой рациональности. Следовательно, и само общество вполне может перейти на качественно иной уровень развития. Сегодня уже есть вполне приемлемые представления о механизме эволюции человека и общества. Так, каждому человеку свойственны три основных инстинкта – самосохранения, воспроизводства и свободы (развития) [Балацкий, 2009⁶; Третий...]. При этом развитие идет благодаря генерированию инноваций отдельным человеком на основе осмысления им общества, в котором он находится; таких людей, как правило, немного, но именно они и образуют социальную элиту. Затем порожденная инновация распространяется в обществе, переводя его тем самым на качественно иной уровень развития. Впоследствии данный цикл повторяется другими представителями элиты, которые переосмысливают уже иное, более сложное и совершенное общество, а следовательно, они генерируют иные, еще более сложные и совершенные инновации. При этом творческий процесс порождается индивидуальным стремлением человека к свободе и творчеству, которое,

в свою очередь, приводится в действие столкновением общественных сил инерции и энтропии [Третий...].

Любопытно, что в концепции текучей реальности в неявном виде присутствуют три кадровые страты, которые выполняют соответствующие эволюционные миссии. Так, интеллектуальная элита с высокой скоростью мышления генерирует новшества и формирует вектор развития общества, направленный вверх (третий инстинкт, вертикальное движение); деловая элита, у которой высокая скорость действий, осуществляет экспансию, распространение и продвижение инноваций, формируя горизонтальную линию развития (второй инстинкт); массы принимают и потребляют новшества, закрепляют, консервируют и сохраняют их (первый инстинкт, движение на месте)⁵. Таким образом, концепция текучей реальности хорошо согласуется с теорией эволюции, что служит дополнительным аргументом в пользу ее справедливости.

В контексте сказанного концепция текучей реальности уже не представляется такой уж фатальной и апокалиптической, как это могло показаться вначале. Вековое стремление людей к свободе привело к современному миру, в котором свобода и, как следствие, реактивность человека стали поистине огромными. В свое время П. Сорокин подробно проанализировал плюсы и минусы человеческой мобильности. Его вердикт прост: рост мобильности всегда вел к умственному раскрепощению, интенсификации интеллектуальной жизни, генерированию открытий и инноваций; на другой чаще весов оказываются рост психических заболеваний, уменьшение чувствительности нервной системы и развитие цинизма [Сорокин, 2004].

Как уже отмечалось, помимо всего прочего свобода приводит к образованию общества слабых связей. При этом стремление к его самораспаду уравнивается тотальностью и глобальностью связей в современной мировой экономике. Такого рода “мягкие” социальные системы несут в себе массу опасностей, которые, в свою очередь, инициируют разработку новых технологий и альтернативных социальных моделей взаимодействия людей. Рано или поздно на смену нынешней модели текучей реальности придет какая-то другая модель, которая еще больше повысит уровень индивидуальной свободы человека, но при этом не даст обществу распасться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балацкий Е.В.* Джек Траут о больших проблемах больших брендов // Капитал страны. 11 августа 2009^a.
Балацкий Е.В. Рынок витальных ресурсов и его свойства // Общество и экономика. 2008. № 8.
Балацкий Е.В. Экономическая теория эволюции личности // Человек. 2009^b. № 5.
Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.
Борхес Х.Л. Сокровенное чудо. СПб., 2004.
Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб., 2010.
Инглхарт Р., Вельцер К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М., 2011.
Йогананда П. Автобиография йога. М., 2004.
Особенности западной филантропии // Капитал страны. 15 сентября 2009.
Рубченко М. Без баланса // Эксперт. 2010. № 29 (714).
Сорокин П.А. Влияние мобильности на человеческое поведение и психологию // Мониторинг общественного мнения. 2004. № 2 (70).
Тaleb Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., 2009.
Траут Дж. Большие бренды – большие проблемы. СПб., 2009.
Третий инстинкт (<http://instinct3.narod.ru>).
Фаулз Дж. Аристос. М., 2008.
Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2005.
Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. М., 2005.
Харрисон Л. Главная истина либерализма: Как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя. М., 2008.

© Е. Балацкий, 2011

⁵ На данную связь обратила внимание Н. Екимова, за что автор приносит ей искреннюю благодарность.